
ФИЛОСОФИЯ И ОБЩЕСТВО

УДК 316

DOI 10.23683/2227-8656.2019.5.7

**СОЦИАЛЬНАЯ ИНЕРЦИЯ
В ДИНАМИКЕ
СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ
ИЗМЕНЕНИЙ
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА:
СПЕЦИФИКА
НАУЧНОГО ДИСКУРСА
И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
ПАРАМЕТРЫ
ИССЛЕДОВАНИЯ**

**SOCIAL INERTIA
IN THE DYNAMICS
OF SOCIOCULTURAL
CHANGES IN RUSSIAN
SOCIETY: SPECIFICS
OF SCIENTIFIC
DISCOURSE
AND METHODOLOGICAL
PARAMETERS
OF THE RESEARCH**

Гнатюк Максим Александрович

Кандидат социологических наук,
проректор по социальным вопросам
и воспитательной работе,
Самарский государственный университет
путей и сообщения,
г. Самара, Россия,
e-mail: gnatuk_m@yandex.ru

Maxim A. Gnatyuk

Candidate of Sociological Sciences,
Vice-rector for Social Affairs
and Educational Work,
Samara State
Transport University,
Samara, Russia,
e-mail: gnatuk_m@yandex.ru

В данной статье анализируются сложившиеся при изучении социальной инерции в социокультурных изменениях российского общества подходы и идейные позиции, а также предлагается авторская методологи-

This article analyzes the existing approaches and ideological positions to the study of social inertia in the socio-cultural changes of the Russian society, and also proposes the author's methodological strategy for the study of

ческая стратегия исследования данной проблематики. В качестве базовой предлагается неоклассическая модель исследования, позволившая выстроить многомерный методологический конструкт исследования с позиций имеющихся в пространстве различных дисциплинарных практик, представлений и идей о социальной инерции в социокультурных изменениях российского общества. В его рамках социальная инерция рассматривается как феномен, включенный в механизм социокультурных изменений как обладающий свойством сохранять социокультурной системе ее собственные (уникальные) характеристики, препятствуя становлению новых под влиянием эндогенных и экзогенных факторов и закрепляя тем самым траекторию устойчивого развития в формате актуализированного опыта прошлого. Сам механизм социальной инерции в социокультурных изменениях обеспечивается конфигурацией и характером взаимодействия культурных инвариантов и вариантов, порождаемых самой социокультурной системой под влиянием факторов внешней и внутренней среды. Социально-философское измерение социальной инерции в социокультурных изменениях в российском обществе, с точки зрения авторской концепции, базируется на выделении трех типов социальной инерции (прогрессивный, регрессивный и нейтральный), детерминирующих вектор социокультурных изменений в процессе модернизации общества, который может принять характер: 1) социокультурного развития (ему соответствует прогрессивный тип модернизации); 2) социокультурной деградации (следствие регрессивной модернизации); 3) социокультурной стагнации (как результат социальной стагнации, застоя).

Ключевые слова: социальная инерция; инерционность; механизм социальной инерции; социокультурные изменения; культурные инварианты; культурные варианты; социокультурное развитие; социокультурная деградация; социокультурная стагнация.

this problematic. The neoclassical model of research is proposed as the basic one, which allowed to build a multidimensional methodological construct of research from the positions of the images and ideas about social inertia in the socio-cultural changes of the Russian society available in the space of various disciplinary practices. Within its framework, social inertia is considered as a phenomenon included in the mechanism of socio-cultural changes as having the property to preserve the socio-cultural system its own (unique) characteristics, preventing the formation of new ones under the influence of endogenous and exogenous factors and thereby fixing the trajectory of sustainable development in the format of the actualized experience of the past. The mechanism of social inertia in sociocultural changes is provided by the configuration and nature of the interaction of cultural invariants and variants generated by the socio-cultural system itself under the influence of external and internal factors. The socio-philosophical dimension of social inertia in sociocultural changes in Russian society, from the point of view of the author's concept, is based on the identification of three types of social inertia (progressive, regressive and neutral) as determining the vector of sociocultural changes in the process of modernization of society, which can take on the character: 1) of sociocultural development (it corresponds to a progressive type of modernization), 2) sociocultural degradation (consequence of regressive modernization), sociocultural stagnation (as a result of social stagnation, stasis).

Keywords: social inertia; delayed action; mechanism of social inertia; sociocultural changes; cultural invariants; cultural variants; sociocultural development; sociocultural degradation; sociocultural stagnation.

Введение

В динамике социокультурных изменений социальной инерции отводится немаловажная роль, поскольку ни одно общество не функционирует вне инерционных процессов, которые в каждой конкретной социокультурной реальности и ситуации разворачиваются по собственному сценарию и логике развития. Эта логика соотносится с историческим прошлым и накопленным социальным опытом общества. Именно поэтому процессы общественного развития и социокультурных изменений отличаются спецификой и требуют глубокого социально-философского осмысления с точки зрения их уникальности в каждом отдельном случае при всем том, что сам механизм социокультурных изменений подчиняется единой, универсальной логике, постижение которой стало предметом особого внимания ученых. И в данном исследовании также ставится задача выявления методологических оснований изучения этого механизма социокультурных изменений в российском обществе с позиций влияния фактора социальной инерции.

Социальная инерция в дискурсе научно-исследовательских практик

Существует немало подходов, привнесенных из разных научных отраслей, по-разному освещающих теоретические и практические аспекты такого феномена, как социальная инерция.

Так, экономисты подходят к анализу инерционных процессов с целью объяснить проблемы и выявить закономерности развития социально-экономических систем, связать экономический кризис с инерционным фактором, показать пути инновационного прорыва в экономической сфере общества через преодоление инерционной составляющей в экономических процессах (Павлов, 2007; Сиднина, 2009; Поддубный, 2008; Дворядкина, 2014).

Связывая социальную инерцию с политическими процессами, исследователи стремятся осмыслить их зависимость и социально-политические реалии, связанные с осмыслением традиционных и современных способов легитимизации власти, методов управления и политической оппозиции в контексте влияния прошлого политического опыта, социокультурных детерминант феномена политической власти (Ильченко, 2013; Казакова, 2013).

Значимый пласт работ сложился в пространстве связи инерционных и исторических процессов (Деркач, 2007, 2016; Динабург, 2016; Ильин, 2017; Кондратчик, 2015). И это направление очень ценно тем, что показывает не только историческую зависимость настоящего от прошлого, но и раскрывает сам механизм этой зависимости на основе

положений теории исторической колеи, неоинституционального подхода (Норт, 1997) и ряда других, в которых историческая динамика социума определяется как детерминированная его институциональной траекторией, сложившейся на предшествующих этапах исторического и цивилизационного развития.

Отдельного внимания заслуживают исследования, связывающие состояние и эффективность управления в различных сферах общественной жизни с инерционными процессами (Муравьева, 2013. С. 128; Узунов, 2018; Захаров, 2018). В управленческой практике и теории фактор инерционности является одним из ключевых в расчетах параметров управления при оценке объекта управления на пути его перехода от одного состояния к другому.

К этим исследованиям можно присоединить по тематической близости работы, в которых анализируются различные, в том числе инновационные, аспекты развития российских регионов с позиций негативного влияния фактора инерции, выступающего препятствием на пути эффективного функционирования институциональной системы общества и формирования субъектного потенциала социальных акторов (Розин, 2012; Узунов, 2019; Напалкова, 2011). При этом обращается внимание на пространственную характеристику регионов России и необходимость учета в изучении инновационных процессов этого явления – пространственной инерционности. При этом пространственные факторы рассматриваются как определяющие предел возможностей инновационного развития Российского государства.

Не столь развито направление, в котором социальная инерция и инерционность включены в контекст исследования отдельных явлений и процессов, но тем не менее такие работы имеются. В частности, представляет интерес обращение к проблеме профессиональных династий с позиций осмысления характера и степени влияния инерционного фактора (Посухова, 2013), а также к взаимосвязи между институциональной инерцией и состоянием российской системы образования, реформированием системы защиты детства в России (Вольчик, 2003; Костенко, 2014). Ученые проследили также взаимосвязь социального настроения с фактором инерции (Балацкий, 2007), а также адаптивными практиками жителей страны (Гудков, 2011).

Каждое из направлений характеризуется своими попытками и достижениями концептуализации социальной инерции, ее интерпретации, но работ, непосредственно посвященных глубокой разработке понятия социальной инерции, практически нет, а потому обращает на себя внимание статья Н. Матвеевой, в которой дается авторское определение

данного понятия как «свойства социальной системы развиваться независимо от прямых внешних воздействий среды, сохраняя свою целостность за счет воспроизводства функций, структуры, потенциала и форм взаимодействия социальных субъектов как элементов данной системы» (Матвеева, 2004. С. 15–16). Она также указывает на тот факт, что сама природа инерции как характеристики социальной системы в контексте ее динамики определяет значимость социально-философской интерпретации понятия инерции (Матвеева, 2004. С. 11). Мы бы к этому добавили, что социально-философская природа данного явления ставит со всей необходимостью вопрос о разработке социально-философской концепции социальной инерции, и для этого сложились значительные предпосылки в виде методологических разработок в различных дисциплинарных практиках и научно-исследовательских парадигмах.

Методологические параметры исследования социальной инерции в социокультурных изменениях в российском обществе

Разработка методологического пространства данного исследования ориентирована на обеспечение интегрального характера использования имеющегося дисциплинарного опыта в изучении социальной инерции как включенного в механизм социокультурных изменений в российском обществе. Такое методологическое пространство возможно в границах социально-философской рефлексии социальной инерции, а его основой выступает неоклассическая модель научного исследования (Лубский, 2019. С. 30–34) как наиболее соответствующая усложняющейся и динамичной социальной реальности с высокими рисками социальной неопределенности и непрогнозируемости социальных процессов. В такой ситуации целостный подход к исследованию социальных явлений и процессов крайне важен и целесообразен.

Использование в качестве базовой неоклассической модели исследования, позволяющей рассматривать социокультурную реальность в ее многомерности и дисциплинарной неограниченности познания (Лубский, 2017. С. 125), определило построение многомерного методологического конструкта данного исследования с позиций имеющих в пространстве различных дисциплинарных практик, представлений и идей о социальной инерции в социокультурных изменениях российского общества.

Методологический каркас исследования основывается на идейных положениях и принципах неинституциональной теории, теории модернизации, архаизации и неотрадиционализации, социокультурного подхода, а также ряда других, сформированных в смежных отраслях

социально-гуманитарного знания. Их интегральное использование в формате комплементарности обеспечивает непротиворечивую конструкцию базовых понятий, таких как «социальная инерция», «инерционность», «инварианты» и «варианты», «механизм социальной инерции», «социокультурные изменения» и др.

Анализ и обобщение накопленного теоретического потенциала в области изучения социальной инерции, преломленный сквозь призму авторского замысла, позволяют рассматривать ее как феномен, включенный в механизм социокультурных изменений как обладающий свойством сохранять социокультурной системе ее собственные (уникальные) характеристики, препятствуя становлению новых под влиянием эндогенных и экзогенных факторов и закрепляя тем самым траекторию устойчивого развития в формате актуализированного опыта прошлого.

В этой своей функциональной предзаданности социальная инерция может рассматриваться как механизм самосохранения и воспроизводства социокультурной системы путем сопротивления инновациям, не соответствующим социокультурному ядру с его системой ценностей и форм жизнедеятельности.

Здесь мы основываемся на идеях В.В. Деркача, который обоснованно доказывает, что «инерция предполагает устойчивость социальной системы, потенцию развития» и по своему смыслу приближается к понятию «воспроизводство» (Деркач, 2007. С. 136), отражая присущее всем социальным системам свойство развиваться независимо от внешних воздействий среды в соответствии с собственным потенциалом, накопленным в прошлом, что пересекается с теорией социокультурных флуктуаций П.А. Сорокина в контексте описания имманентной теории социокультурных изменений (Сорокин, 2006. С. 802).

Нам также близка и методологически важна идея В.В. Деркача о социальной инерции как имеющей универсальный характер для описания различных форм социальных изменений, так как «инерционность – свойство общества, выражающее его качество и динамику развития» (Деркач, 2007. С. 136).

Таким образом, можно резюмировать, что степень инерционности социокультурной системы как свойства сохранять или очень медленно изменять свое состояние в условиях продолжающегося воздействия прошлого социального опыта определяет характер социокультурных изменений и их вектор в координатах устойчивость – неустойчивость, прогрессивность – регрессивность, архаизация – модерниза-

ция в зависимости от того, какой характер примет сама социальная инерция – прогрессивный, регрессивный или нейтральный.

Сам механизм социальной инерции в социокультурных изменениях обеспечивается конфигурацией и характером взаимодействия инвариантов и вариантов, порождаемых самой социокультурной системой, имманентно обладающей свойством инерционности. Их конфигурация и уровень комплементарности обеспечивают степень интенсивности, тип социальной инерции и характер ее влияния на социокультурные процессы.

В рамках предлагаемого методологического конструкта выделяются три типа социальной инерции в зависимости от характера ее влияния на социокультурные изменения: прогрессивный, регрессивный и нейтральный. Данная типология апробирована в практике научных исследований (Павлов, 2007), что стало основанием для ее использования в данной работе, но в контексте авторского замысла и ракурса исследования. Мы предполагаем, что соответствующий тип социальной инерции детерминирует уровень и качество модернизации как мерил социокультурных изменений и социокультурного развития. Здесь мы солидаризируемся с мнением Н.И. Лапина: «Параметры, характеризующие социокультурное развитие, – суть человеческие измерения модернизации, а процесс качественного повышения их уровня и сбалансированности есть социокультурная модернизация» (Лапин, 2011. С. 4).

Итак, тип инерционности как свойства социокультурной системы, согласно нашей концепции, детерминирует характер модернизационных процессов, которые могут принять прогрессивный, регрессивный или нейтральный формат. В первом случае речь идет об эффективной модернизации, во втором – о регрессивной (по сути, о демодернизации), а в третьем – о стагнации, когда реализуемые инновации, реформы никак не влияют на динамику общественного развития и состояние социокультурной системы.

Определение результата модернизации через характер влияющей на нее социальной инерции позволит определить вектор социокультурных изменений, реализуемых в современном российском обществе в пространстве выбора из трех возможных (в рамках нашей концептуальной схемы) вариантов:

- 1) социокультурное развитие (ему соответствует эффективный характер модернизации);
- 2) социокультурная деградация (регрессивная модернизация (демодернизация));

3) социокультурная стагнация (нейтральная модернизация).

Данная типология типов социокультурного развития основывается на типологии П. Сорокина в его теории социокультурной динамики (Сорокин, 2006). В ней содержится еще один тип – деструкция, которая является результатом длительных деградационных процессов, сопровождающихся архаизацией и примитивизацией массового сознания и социокультурных практик, а потому не включена в нашу конструкцию.

Понятие «социокультурные изменения», как известно, было введено в научный оборот П.А. Сорокиным, который не разделял в своей теории социокультурной динамики социальное и культурное, считая подобное разделение довольно условным, поскольку сами социальные изменения на уровне функционирования, изменения и развития общества своим источником имеют межгрупповые и внутригрупповые взаимодействия, в процессе которых создается и изменяется культура, т. е. она существует и изменяется только под влиянием действий социальных групп, включенных в культурное пространство, принадлежащих к тому или иному типу культуры.

Под социокультурными изменениями мы понимаем широкий спектр социальных процессов, в своей совокупности и взаимозависимости детерминирующих социокультурную траекторию движения общества в пространственно-временных координатах прогресса, регресса или стагнации в зависимости от характера взаимодействия между культурными инвариантами и вариантами как производными социокультурной динамики культуры в условиях динамично меняющейся социокультурной реальности.

Социокультурное развитие – не такой простой тип социокультурного изменения, как может показаться изначально, исходя из базового понятия «развитие», поскольку, как отмечают исследователи, в нем заложено «диалектическое единство стабильной основы и модифицируемых акциденций» (Ищенко, 2018), но противоречия этих процессов настолько значительны, что в каждом конкретном обществе одни и те же признаки развития (к примеру, упрощение форм социальной и культурной жизни или их усложнение) могут свидетельствовать о совершенно различном уровне бытия общества – как прогрессивном, так и регрессивном.

Иными словами, в каждом конкретном случае анализ социокультурных реалий с позиции их изменения в категории развития предполагает обязательный учет социокультурной специфики общества в контексте его пространственно-временных, ценностных, субъектных и иных характеристик. Тем не менее в рамках нашей концепции социо-

культурное развитие интерпретируется как положительный (прогрессивный) вектор социокультурных изменений, характеризующих развитие социальной и культурной сфер общества с позиций качественных изменений в функционировании социума. А потому прогрессивная инерционность, способствующая более длительному периоду развития социокультурной системы в модусе прогрессивных инноваций и процессов, выступает основанием эффективной модернизации и, как следствие, социокультурного развития общества с тем же вектором прогрессивных (положительных) изменений, выводящих общество на качественно новый и более высокий уровень жизни в плане как духовного, так и материального производства.

С понятием «социокультурная деградация», казалось бы, ситуация должна быть проще, поскольку сама этимология этого термина не оставляет сомнений в его негативной коннотации, но и здесь заложены определенные противоречия, производные от самой социокультурной реальности, в которой разворачиваются процессы, соотносимые с понятием социокультурной деградации, – примитивизация, упрощение социальных практик и массового сознания, архаизация сознания (Абдрахманов, 2016; Зарубина, 2013; Ламажаа, 2014; Хоружая, 2003). Существует вероятность того, что возврат к прежним формам и практикам общественной жизни в условиях неэффективности современных институциональных форм жизнедеятельности и невозможности адаптации новых, предлагаемых современностью, есть наилучший выбор в институциональной траектории социокультурной системы в сложившийся период времени, а стремление к усложнению социокультурной системы может привести к разрушительным последствиям и даже, как пишут ученые, к гибели (Ищенко, 2018).

Тем не менее в границах нашей концептуально-познавательной схемы исследования социокультурная деградация интерпретируется как явление, имеющее негативный вектор в пространстве социокультурных изменений и характеризующее общество в категориях снижения уровня и качества его жизни, а также способности к социокультурному воспроизводству в координатах социокультурного развития, т.е. прогресса. Длительный период социокультурной деградации может привести общество к социокультурной деструкции, т.е. разрушению и последующей гибели общества как социокультурного целого.

С термином «социокультурная стагнация» в системе типов социокультурных изменений несколько проще, поскольку традиционно со стагнацией ассоциируется отсутствие прогресса – в данном случае в сфере социальной и культурной жизни, а потому это понятие по праву

рассматривается как антонимичное модернизации, инновации и синонимичное понятию «застой». Иными словами, социокультурная стагнация – социальное явление, характеризующее общество в контексте социокультурного движения как застывшее, не имеющее никакого прогресса в сфере социальной и культурной жизни. Это направление социокультурных изменений обычно еще характеризует его промежуточный характер между двумя вышеописанными – социокультурным развитием и социокультурной деградацией.

Индикаторами рассмотренных направлений социокультурных изменений, детерминированных социальной инерцией, выступают как формальные признаки (упрощение / усложнение, создание / деструкция) (Ищенко, 2018), так и содержание процесса социокультурного воспроизводства через формирование и взаимодействие / противостояние культурных инвариантов (условно назовем их традиционными образцами культурных форм, соответствующих социокультурному ядру, культурной матрице общества) и вариантов (современных культурных форм, возникающих в результате реакции на внешние вызовы и инновации). В этой связи обратимся к положениям теории энтелехии культуры, в которой раскрываются закономерности динамики культуры и порождаемых ею форм – инвариантов и вариантов.

Динамика культуры – закономерный и непрерывный процесс, с какой бы степенью он ни развивался в разные исторические эпохи в различных культурных сообществах.

В современную эпоху динамика культуры приняла высокоинтенсивный и во многом унифицирующий характер, отражающийся на специфике трансформации культуры и динамике культурных инвариантов. Процесс их формирования рассматривается учеными сквозь призму теории энтелехии культуры, впервые обозначенной в идеях Аристотеля и раскрывающей сам механизм ее изменения через воспроизводство своих сущностных оснований в форме инвариантов. В.П. Визгин сказал об этом очень точно, определив, что культура, словно волна, «приходит и уходит и снова возвращается, не утрачивая при этом своей сущностной антиномии, выступающей ее инвариантом» (Визгин, 2017. С. 13).

Таким образом, культура сама порождает новые культурные формы, сохраняя при этом сущностное начало, антиномии или инварианты как противостоящие новым культурным формам, также генерируемым этой культурой. Этот механизм можно назвать еще внутренним диалогом культуры, который обеспечивает энтелехия культуры как процесс ее рождения и перерождения в строго заданной траек-

тории ее личной логики в соответствии с собственной субстанциональной структурой.

Таким образом, механизм социальной инерции, обеспечивающий механизм социокультурных изменений в траектории исторической зависимости, по сути есть механизм культурной зависимости, связанный с энтелехией культуры, определяющей культурную динамику как процесс самопостижения и самопознания культуры через различные формообразования культуры (Визгин, 2017. С. 15). В современном обществе этот процесс детерминируется двумя разнонаправленными, но взаимообусловленными процессами унификации и диверсификации культур (Голубинская, 2017). Они формируют пространство пересечения, встречи и противоречивого взаимодействия культурных локаций традиционного и современного типа. Иными словами, речь идет о кросс-культурном пространстве, в котором взаимодействие и противостояние происходят между образцами традиционной культуры – культурными инвариантами и культурными образцами нового формата, порожденными современным глобализирующимся обществом.

Варианты этого взаимодействия-противостояния могут быть самыми разными и противоречивыми, несущими особенный энергийный заряд, определяющий степень энтропийности социокультурных процессов и изменений. Специалисты в области теории социальной энтропии утверждают, что «главная опасность для развития общества заключается не в усложнении конфликтов, а в энтропийной тяге к инертности, усреднению и гомогенности» (Тетерина, 2011. С. 271). Как видим, стремление к инерции заложено в социокультурном механизме воспроизводства общества, и энтелехия культуры работает на этот процесс, порождая культурные инварианты в социальной и культурной сферах общественного бытия, что способствует воспроизводству в границах исторической преемственности политической, экономической, духовной культуры общества.

Культурная преемственность есть основа стабильности и устойчивости в развитии общества, но в условиях модернизации общества, его инноватизации этот механизм может стать значительным тормозом в реализации инновационных замыслов – все зависит от характера самих инноваций в их ценностном измерении и внедряемых культурных формах и, соответственно, степени инерционности социокультурной системы, от характера противостояния культурных инвариантов новым культурным формообразованиям.

Культура, утратившая потенциал энтелехии, т. е. энергийности как самовоспроизводства в условиях адаптации к меняющейся реаль-

ности, не может противостоять рискогенным факторам, разрушающим ее основания, т. е. утрачивает свой антиэнтропийный потенциал, неспособна к самообновлению на основе вырабатываемых культурных инвариантов как субстанциональных оснований культуры (Визгин, 2017. С. 7).

Таким образом, мы полагаем, что в основе социально-философского познания социокультурных изменений под влиянием социальной инерции, в свете представленной теории энтелехии, должны находиться:

1) выявление субстанциональных оснований социокультурной системы российского общества в форме ее культурных инвариантов, порождаемых в процессе социокультурной динамики в жизненно важных для социокультурного воспроизводства российского общества сферах (социально-политическая, экономическая, управленческая, духовная, сфера повседневных практик);

2) сравнение культурных инвариантов с культурными вариантами, порожденными социокультурной системой в ходе ее изменения (энтелехии), и выявление степени инерционности ключевых подсистем социокультурной системы как фактора социокультурных изменений и их направленности;

3) определение характера социокультурных изменений (социокультурное развитие, социокультурная деградация, социокультурная стагнация) через результат модернизации общества как основного индикатора социокультурных процессов и движения общества в траектории развития;

4) определение возможных альтернатив социокультурных изменений российского общества в контексте его инерционной составляющей дискурса модернизации как ключевого в концепции развития общества.

При этом авторская стратегия предполагает выявление условий и инвариантов воплощения инерционной составляющей в российской реальности в проекции различных исторических эпох вплоть до современности. Такой ракурс позволит проследить влияние социальной инерции на социокультурные изменения в России в динамике и выявить историческую зависимость в инерционных и модернизационных процессах.

Предложенная исследовательская стратегия предполагает уточнение авторских позиций по поводу понятия модернизации, весьма неоднозначно представленного в гуманитарной науке и выступающего основой одного из самых значительных научно-исследовательских дискурсов. Не разбирая все имеющиеся по данному вопросу подходы,

мы обратимся к идеям социального философа В.В. Никитаева, который всесторонне проанализировал понятия (в том числе и понятие модернизации), используемые в исследованиях социокультурных изменений, назвав сложившуюся ситуацию «понятийной катастрофой» (Никитаев), что не может не сказываться на анализе социальных процессов и явлений с точки зрения их предрасположенности к изменениям и их оценке. В отношении понятия модернизации им совершенно четко проводится граница между этим понятием и инновациями, ибо зачастую их употребляют в контексте взаимозаменяемости, а между тем «модернизация во всех своих предметных трактовках так или иначе предполагает наличие образца – будь то образец технологии для промышленного производства или Запад (общество модерна) как стандарт общественного благоустройства». Это отличает модернизацию от инновации, направленной на еще не существующее. И потому инновация может интерпретироваться как «движение из настоящего в будущее, а модернизация – из прошлого в настоящее». В этом случае модернизация может рассматриваться как приведение общества в соответствие с требованиями и вызовами современности, с теми стандартами, которые уже индицируются в социуме как символ современности. Оттого и возникает догоняющий эффект модернизации как вполне закономерный – к ней стремятся те страны, которые еще не достигли уровня модернизированных стран, но важно при этом не ошибиться, не отказаться в погоне за шансами, которые сулит модернизированное настоящее, от ценного прошлого – и наоборот, «не перепутать ещё конкурентоспособное настоящее с уже отслужившим своё, никчемным прошлым, от которого более продвинутые страны стремятся освободиться».

Данная позиция находит выражение в понимании модернизации Г.Б. Клейнером, который исходит из того, что «модернизация (в собственном смысле слова) – это не просто улучшение, развитие, а обновление, осовременивание данного объекта или процесса, т. е. трансформация его в целях придания черт, присущих более продвинутым аналогичным объектам или процессам... Иными словами, модернизация подразумевает внедрение наиболее современных в том или ином аспекте достижений (лучших практик), относящихся к другим, сходным с данным, объектам» (Клейнер, 2011).

Данное положение не отрицает другого важного тезиса о том, что путь к осовремениванию у каждого общества свой, определяемый целями, ресурсами, культурным многообразием и другими факторами социокультурной среды, подвергающейся модернизационным преоб-

разованиям. А потому и типы модернизации могут быть разными – догоняющая, опережающая, системная модернизация и т.д., а сам выбор пути модернизации очень непрост.

В современной научной литературе при осмыслении социокультурных реалий и изменений в российском обществе фокус исследовательского внимания несколько сместился – теперь в нем оказались проблемы архаизации и неотрадиционализации. Они также привлекают и наше внимание, а потому имеет смысл коротко остановиться на теоретических позициях, напрямую пересекающихся с проблемой социальной инерции.

«Архаизация» и «неотрадиционализация», следуя теоретическим посылам российских специалистов, развивающих данное направление, – два близких понятия, поскольку ситуация и в том, и в другом случае связана с восстановлением или возрождением традиционных практик в жизни общества в условиях изменившейся социальной реальности, т. е. можно было бы говорить о процессе неотрадиционализации, но ученые замечают, что это характерно только для тех традиций, которые возрождаются осознанно в процессе жизнедеятельности социума. В данной ситуации процесс возрождения традиции базируется на стихийном (неосознанном) обращении к социальным и культурным практикам, имевшим место в прошлом социума, речь идет об архаизации (Ламажаа, 2014. С. 69).

Тем не менее нам важна причина обращения к имевшим место в прошлом социума социокультурным практикам. Эта причина кроется в самой социокультурной реальности, в ответ на вызовы которой, связанные с появлением и внедрением инноваций, реформ и иных модернизационных явлений, общество реагирует таким образом, что возвращается к прежним, апробированным социальным практикам, которые понятны и позволяют более успешно адаптироваться в меняющихся условиях, сохраняя устойчивое положение в системе социальных координат.

Именно на пересечении традиций и инноваций заявляет о себе социальная инерция как механизм социокультурных изменений и значительно влияет на социокультурные процессы, определяя их вектор. И вектор архаизации и неотрадиционализации – один из вероятных вариантов этого влияния в российской действительности, по мнению ряда ученых, фиксируемый в более чем явной форме (Ситников, 2019).

Выводы

Использование в качестве базовой неоклассической модели исследования, позволяющей рассматривать социокультурную реальность в ее многомерности и дисциплинарной неограниченности познания, определило построение многомерного методологического конструкта исследования с позиций имеющихся в пространстве различных дисциплинарных практик, представлений и идей о социальной инерции в социокультурных изменениях российского общества. Центральное место в конструировании методологического поля исследования занимает социокультурный подход, разработанный П.А. Сорокиным и послуживший теоретической базой при разработке индикаторов измерения социальных изменений, их направленности, основных источников.

При создании методологической схемы исследования и понятийной конструкции были использованы идеи и разработки в области осмысления феномена социальной инерции российских социологов, философов и экономистов (Н.А. Матвеева, В.В. Деркач, К.В. Павлов, А.С. Самохин,), акцентировавших внимание на свойствах и функциях социальной инерции, способствующих устойчивости и воспроизводству социальной системы, а также способности данного явления выступать в различных формах с положительным или отрицательным вектором влияния на социокультурные изменения.

Составным элементом методологического конструкта выступает теория энтелихии культуры, раскрывающая механизм социокультурного воспроизводства через формирование и взаимодействие / противостояние культурных инвариантов и вариантов, а также элементы теории социальной энтропии, характеризующей особенности протекания социокультурных процессов и изменений в контексте заложенной в социальной системе инерционной траектории развития. В данном методологическом ключе немаловажное значение отводится концепциям архаизации и неотрадиционализации, раскрывающим суть инерционного эффекта в соотношении с внедряемыми в обществе инновациями в конкретных исторических и социальных условиях, характеризующихся воспроизводством архаичных социальных практик.

Социальная инерция в своей функциональной предзаданности рассматривается как механизм самосохранения и воспроизводства социокультурной системы путем сопротивления инновациям, не соответствующим социокультурному ядру с его системой ценностей и форм жизнедеятельности. Сам механизм социальной инерции в социокультурных изменениях обеспечивается конфигурацией и характером

взаимодействия культурных инвариантов и вариантов, порождаемых самой социокультурной системой под влиянием факторов внешней и внутренней среды. Степень инерционности социокультурной системы как свойства сохранять или очень медленно изменять свое состояние в условиях продолжающегося воздействия прошлого социального опыта определяет характер социокультурных изменений. В рамках предлагаемого методологического конструкта выделяются три типа социальной инерции и инерционности (прогрессивный, регрессивный и нейтральный), детерминирующие вектор социокультурных изменений в процессе модернизации общества, который может принять характер: 1) социокультурного развития (ему соответствует прогрессивный тип модернизации); 2) социокультурной деградации (следствие регрессивной модернизации); 3) социокультурной стагнации (как результат социальной стагнации, застоя).

Литература

Абдрахманов Д.М., Буранчин А.М., Демичев И.В. Архаизация российских регионов как социальная проблема. Уфа: Мир печати, 2016. 404 с.

Балацкий Е.В., Екимова Н.А. Эффект инерции в формировании социальных настроений // Мониторинг. 2007. № 3 (83). С. 85–94.

Визгин В.П. Еще раз об энтелехии культуры // Философский журнал. 2017. Т. 10, № 1.

Вольчик В.В., Скорев М.М. Институциональная инерция и развитие российской системы образования // Пространство экономики. 2003. № 4. С. 55–63.

Голубинская А.В. Диверсификация и унификация культур в глобальном веб-пространстве // Век глобализации. 2017. № 1. С. 98–105.

Гудков Л. Инерция пассивной адаптации // Pro et Contra. 2011. Т. 15, № 1–2 (51). С. 20–42.

Дворядкина Е.Б., Голошейкин Е.В., Арагильян И.В. Инерционность как свойство экономического развития городов традиционно-промышленного региона // Управленец. 2014. № 5 (51). С. 72–78.

Деркач В.В. Принцип историзма в исследовании современного общества // Вест-

References

Abdrakhmanov, D.M., Buranchin, A.M., Demichev, I.V. (2016). Archaization of Russian regions as a social problem. Ufa: Mir pechati.

Balatsky, E.V., Ekimova, N.A. (2007). The effect of inertia in the formation of social moods. *Monitoring*, 3 (83), 85-94. (in Russian).

Vizgin, V.P. (2017). Once again about the entelechy of culture. *Filosofskiy zhurnal*, 10, 1. (in Russian).

Volchik, V.V., Skorev, M.M. (2003). Institutional inertia and the development of the Russian education system. *Prostranstvo ekonomiki*, 4, 55-63. (in Russian).

Golubinskaya, A.V. (2017). Diversification and unification of cultures in the global web space. *Vek globalizatsii*, 1, 98-105. (in Russian).

Gudkov, L. (2011). Inertia of passive adaptation. *Pro et Contra*, 15, 1-2 (51), 20-42. (in Russian).

Dvoryadkina, E.B., Golosheikin, E.V., Aragilyan, I.V. (2014). Inertia as a property of the economic development of cities of a traditionally industrial region. *Upravlenets*, 5 (51), 72-78. (in Russian).

Derkach, V.V. (2007). The principle of historicism in the study of modern society. *Vestnik Bashkirsk. un-ta*, 3, 135-138. (in Russian).

ник Башкирск. ун-та. 2007. № 3. С. 135–138.

Деркач В.В. Роль принципа историзма в прогнозировании социальных процессов // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Экономика. 2016. № 3 (17). С. 163–168.

Динабург С.Р. Современные исследования будущего: между утопией и форсайтом // Вестник ПНИПУ. Культура. История. Филология. Право. 2016. № 3. С. 86–97.

Зарубина Н.Н. Упрощение массовых социальных практик как вектор трансформации повседневности в сложном социуме // Историческая психология и социология истории. 2013. № 2. С. 29–45.

Захаров В.К. Историческая инерционность самосознания и самоустройства общества // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2018. № 1–2. С. 615–617.

Ильин В.И. Структура исторической колеи России: проблемы методологии // Мир России. Социология. Этнология. 2017. № 4. С. 30–50.

Ильченко М.С. Инерция в развитии российской политической системы: подходы к анализу // Социум и власть. 2013. № 3 (41). С. 20–24.

Ищенко Н.С. Проблемы теоретического осмысления социокультурных трансформаций // Философско-культурологические исследования. 2018. № 4.

Казакова В.И. Инерция и власть: к вопросу о политических основаниях сопротивления инновациям // Вестник НГТУ им. Р.Е. Алексеева. Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии. 2013. № 1. С. 19–27.

Клейнер Г.Б. Системная модернизация экономики России // Сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию юбилею ВЗФЭИ. М.: ВЗФЭИ, 2011.

Кондратчик Ю.К. Преодоление исторической инерции как основа осуществления трансформации социально-экономической системы России // Вестник РЭА им. Г.В. Плеханова. 2015. № 1 (79). С. 53–59.

Костенко М.А. Эффекты институциональной инерции в реформировании российской системы защиты детства // Вестник Ко-

Derkach, V.V. (2016). The role of the principle of historicism in forecasting social processes. *Vestnik UGNTU. Nauka, obrazovaniye, ekonomika. Ekonomika*, 3 (17), 163-168. (in Russian).

Dinaburg, S.R. (2016). Modern studies of the future: between utopia and foresight. *Vestnik PNIPU. Kul'tura. Istoriya. Filosofiya. Pravo*, 3, 86-97. (in Russian).

Zarubina, N.N. (2013). The simplification of mass social practices as a vector of transformation of everyday life in a complex society. *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii*, 2, 29-45. (in Russian).

Zakharov, V.K. (2018). The historical inertia of self-consciousness and self-organization of society. *Bol'shaya Yevraziya: razvitiye, bezopasnost', sotrudnichestvo*, 1-2, 615-617. (in Russian).

Ilyin, V.I. (2017). The structure of the historical rut of Russia: problems of methodology. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya*, 4, 30-50. (in Russian).

Ilchenko, M.S. (2013). Inertia in the development of the Russian political system: approaches to analysis. *Sotsium i vlast'*, 3 (41), 20-24. (in Russian).

Ischenko, N.S. (2018). Problems of theoretical understanding of sociocultural transformations. *Filosofsko-kul'turologicheskiye issledovaniya*, 4. (in Russian).

Kazakova, V.I. (2013). Inertia and power: on the political foundations of resistance to innovation. *Vestnik NGTU im. R.Ye. Alekseyeva. Upravleniye v sotsial'nykh sistemakh. Kommunikativnyye tekhnologii*, 1, 19-27. (in Russian).

Kleiner, G.B. (2011). Systemic modernization of the Russian economy. *Sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 80-letnemu yubileyu VZFEI*. M.: VZFEI.

Kondratchik, Yu.K. (2015). Overcoming historical inertia as the basis for the transformation of the socio-economic system of Russia. *Vestnik REA im. G.V. Plekhanova*, 1 (79), 53-59. (in Russian).

Kostenko, M.A. (2014). The effects of institutional inertia in the reform of the Russian system of child protection. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Pedagogika*.

стромского государственного университета. Педагогика. Психология. Социокинетика. 2014. № 3. С. 165–168.

Ламажаа Ч.К., Абдулаева М.Ш. Архаизация и неотрадиционализм: российские региональные формы // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 3. С. 68–80.

Латин Н.И. Социокультурные факторы российской стагнации и модернизации // Социологические исследования. 2011. № 9.

Лубский А.В. Методология социального исследования. М.: ИНФРА-М, 2017.

Лубский А.В. Методология региональных исследований. М.: ИНФРА-М, 2019.

Матвеева Н. Социальная инерция. К определению понятия // Социологические исследования. 2004. № 4. С. 15–16.

Муравьева М.П. Свойство инерционности в изучении проблемы управления социально-экономическими процессами рынка труда // ИВД. 2013. № 3 (26).

Напалкова И.Г., Солдатова А.С. Пространственная инерционность России и проблемы перехода к инновационному типу развития // ARS ADMINISTRANDI. 2011. № 3. С. 20–26.

Никитаев В.В. Субъекты и типология социокультурных изменений. Режим доступа: <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/6606>.

Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Начала, 1997. 180 с.

Павлов К.В., Самохин А.С. Инерционность социально-экономических и экологических систем: сущность и оценка // Вестник ЧелГУ. 2007. № 19. С. 45–53.

Поддубный В.В., Романович О.В. Рынок как оптимально самоуправляемая инерционная система с запаздыванием // Вестник Томского государственного ун-та. Управление, вычислительная техника и информатика. 2008. № 3 (4). С. 5–18.

Посухова О.Ю. Профессиональная династия как результат семейных стратегий: инерция или преемственность? // Власть. 2013. № 12. С. 100–103.

Розин М.Д., Суцкий С.Я. Современный Северный Кавказ между системным кризисом и инерционным развитием // ИВД. 2012.

Psikhologiya. Sotsiokinetika, 3, 165-168. (in Russian).

Lamazhaa, Ch.K., Abdulaeva M.Sh. (2014). Archaization and neotraditionalism: Russian regional forms. *Znaniye. Ponimaniye. Umeniye*, 3, 68-80. (in Russian).

Lapin, N.I. (2011). Sociocultural factors of Russian stagnation and modernization. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, 9. (in Russian).

Lubsky, A.V. (2017). Methodology of social research. M.: INFRA-M.

Lubsky A.V. (2019). Methodology of regional studies. M.: INFRA-M.

Matveeva, N. (2004). Social inertia. To the definition of the concept. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, 4, 15-16. (in Russian).

Muravyova, M.P. (2013). The inertia property in the study of the problem of managing the socio-economic processes of the labor market. *Institut vnutrennikh del*, 3 (26). (in Russian).

Napalkova, I.G., Soldatova, A.S. (2011). Spatial inertia of Russia and the problems of transition to an innovative type of development. *ARS ADMINISTRANDI*, 3, 20-26. (in Russian).

Nikitaev, V.V. Subjects and typology of sociocultural changes. Available at: <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/6606>.

North, D. (1997). Institutions, Institutional changes, and formation of the economy. M.: Nakhala.

Pavlov, K.V., Samokhin, A.S. (2007). Inertia of socio-economic and ecological systems: essence and assessment. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 19, 45-53. (in Russian).

Poddubny, V.V., Romanovich, O.V. (2008). Market as an optimally self-controlled inertial system with delay. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Upravleniye, vychislitel'naya tekhnika i informatika*, 3 (4), 5-18. (in Russian).

Posukhova, O.Yu. (2013). Professional dynasty as a result of family strategies: inertia or continuity? *Vlast'*, 12, 100-103. (in Russian).

Rozin, M.D., Sushchiy, S.Ya. (2012). The modern North Caucasus between the systemic crisis and inertial development. *Institut vnutrennikh del*, 2, 585-594. (in Russian).

Sidnina, V.L. (2009). Manifestations of in-

№ 2. С. 585–594.

Сиднина В.Л. Проявления инерционности в существовании российской экономической элиты // Изв. Саратовского ун-та. Новая серия. Экономика. Управление. Право. 2009. С. 11–15.

Ситников А.П. Оценка практик архаизации в сложившейся интеллектуальной традиции российского общества // Гуманитарий Юга России. 2019. Т. 8, № 4. С. 138–144.

Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика / пер. с англ., вступ. статья и коммент. В. В. Сапова. М.: Астрель, 2006. 1176 с.

Тетерина Е.В., Пискорская С.Ю. К вопросу о понятии социальной энтропии // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2011. № 7.

Узунов В.В. Институциональная инерция в инновационном развитии российских регионов: теоретический дискурс // Гуманитарий Юга России. 2019. № 1. С. 56–66.

Узунов В.В., Панфилова Ю.С., Хоценко В.П. Социальный опыт советского прошлого в управленческих практиках в регионах Юга России в контексте российской модернизации // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2018. № 4. С. 191–194.

Хоружая С.В. Социокультурная деградация (социологический анализ): автореф. дис. ... канд. социол. наук. Краснодар, 2003. 171 с.

ertia in the existence of the Russian economic elite. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Ekonomika. Upravleniye. Pravo*, 11-15. (in Russian).

Sitnikov, A.P. (2019). Evaluation of archaic practices in the current intellectual tradition of Russian society. *Gumanitariy Yuga Rossii*, 8, 4, 138-144.

Sorokin, P.A. (2006). Social and cultural dynamics / trans. from English, introductory article and comment. V.V. Sapov. M.: Astrel.

Teterina, E.V., Piskorskaya, S.Yu. (2011). To the question of the concept of social entropy. *Aktual'nyye problemy aviatsii i kosmonavтики*, 7. (in Russian).

Uzunov, V.V. (2019). Institutional inertia in the innovative development of Russian regions: theoretical discourse. *Gumanitariy Yuga Rossii*, 1, 56-66. (in Russian).

Uzunov, V.V., Panfilova, Yu.S., Khotsenko, V.P. (2018). Social experience of the Soviet past in managerial practices in the regions of the South of Russia in the context of Russian modernization. *Gosudarstvennoye i munitsipal'noye upravleniye. Uchenyye zapiski SKAGS*, 4, 191-194. (in Russian).

Khoruzhaya, S.V. (2003). Sociocultural degradation (sociological analysis) (Abstract, Candidate Dissertation, Krasnodar).

Поступила в редакцию

18 июля 2019 г.